

Б. А. Алиев

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЗАЛОЖНИКОВ

Статья посвящена проблемным вопросам захвата заложников и правильного ведения переговоров. В ней рассмотрены основные требования, предъявляемые к личности переговорщика, его психологической подготовленности и навыкам ведения переговоров в различных ситуациях; рекомендованы различные модели переговоров.

Ключевые слова: захват заложников, террористический акт, эмоциональная напряженность, переговорщик, личность преступника.

B. A. Aliyev

PECULIARITIES OF THE NEGOTIATION PROCESS IN SPECIAL HOSTAGE-RESCUE MISSIONS

The topical issues of hostage-taking and proper way of negotiating for hostage release are determined in the article. The main requirements related to the negotiator's personality, his psychological condition and skills of negotiating in various situations are analyzed. Different models of negotiations are recommended.

Keywords: hostage-taking, terrorist attack, emotional intensity, negotiator, the criminal's personality.

Захват заложников и похищение людей продолжают оставаться наиболее опасными видами террористической деятельности [1, с. 391]. Известно, что успешность проведения специальной операции по освобождению заложников зависит от целого ряда факторов, среди которых, по мнению специалистов, основным является ведение переговоров. Причем роль переговорщика является исключительной, так как именно от его действий во многом зависит исход специальной операции, начиная от полного отказа от преступления (соответственно спасение жизни как заложников, так и сотрудников специальных подразделений, осуществляющих контртеррористическую операцию по освобождению заложников и нейтрализации (задержанию) террористов), с одной стороны, до проведения штурма с причинением минимального ущерба указанным выше лицам — с другой.

Актуальность разработки целостной системы требований к переговорщику, в том числе его

личностным характеристикам и способностям, не вызывает сомнения. Подтверждением этого тезиса является, как показывает практика, тенденция к популяризации преступлений, связанных с захватом заложников. Диапазон последних колеблется от преступлений уголовного характера (захват заложников от «безысходности» лицами, пытающимися избежать задержания силами правопорядка) до крупномасштабных террористических актов (захват заложников в целях влияния на социально-политическую ситуацию как в своей стране, так и за ее пределами). Таким же широким представляется и перечень требований, которые выдвигаются лицами, захватившими заложников, — от возможности избежать правосудия до выдвигения заведомо не выполнимых требований (вывод военного контингента из какой-либо страны, области и т. п., смена политической власти и пр.), причем в кратчайшие сроки.

Возвращаясь к теме статьи, следует, на наш

взгляд, выделить ряд условий и задач процесса ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, которые в своем единстве и будут определять психологические требования [2, с. 28], предъявляемые непосредственно к личности переговорщика. При этом к условиям ведения переговоров относятся:

- реальная опасность здоровью и жизни переговорщика;

- возлагаемая на переговорщика ответственность за сохранность здоровья и жизни заложников, с одной стороны, и выполнение поставленной штабом антитеррористической операции задачи — с другой;

- непредсказуемость и неопределенность поступающей информации;

- дефицит времени на принятие решений и лимитированность действий переговорщика как законодательством, так и принимаемыми решениями штаба специальной операции;

- чрезмерная психоэмоциональная напряженность;

- «социальная изоляция», индивидуальная ответственность за процесс ведения переговоров или их срыв;

- отсутствие, в случае непредвиденных обстоятельств, помощи со стороны сил, осуществляющих специальную операцию.

Среди основных задач, решение которых возлагается на переговорщика в рамках специальной операции по освобождению заложников, можно выделить:

- снятие психоэмоциональной напряженности начальной стадии процесса ведения переговоров;

- выяснение (уточнение) обстоятельств и обстановки в зоне ведения специальной операции по освобождению заложников;

- выяснение личности (личностей) террористов, их количества, возрастных, физических, психических и других особенностей, сведений об их намерениях, связях с другими преступными формированиями (лицами), участвующими в террористическом акте, видах и количестве вооружения;

- выяснение количества и категорий заложников, их физического состояния (здоровья и т. п.);

- выбор наиболее удобной (целесообразной) формы ведения переговоров (устно «лицом к лицу», письменно, с использованием технических средств связи, опосредованно (через заложника или переводчика).

Исходя из вышеперечисленного, а также накопленного эмпирическими исследованиями опыта психологической науки в сфере изучения проблем общения в экстремальных (конфликтных) условиях, можно, по нашему мнению, остановиться на следующих моделях преобладающих личностных свойств участников обозначенной ситуации общения, или, как неоднократно упоминается в литературе соответствующей тематики, ситуации вынужденного конфликтного общения.

Так, с точки зрения Ю. С. Горбунова, если одна сторона (в нашем случае — лица, удерживающие заложников) использует деструктивные приемы обсуждения некой проблемы, такие как: запугивание и угрозы, унижения партнера и оскорбления в его адрес, ссылка на свою доминантную позицию (оружие, смерть заложников, вероятность подрыва стратегического объекта и др.), уклонение от обсуждения проблемы, то в противовес вторая сторона (парламентер) вынуждена противопоставлять следующие приемы: конкретность высказываний, их доступность пониманию, информативность ответов (или возражений, реплик), вовлеченность в продолжение диалога [3, с. 72]. Из указанной выше модели можно сделать вывод, что основными для личности парламентаря (лица, ведущего переговоры) будут требования к его коммуникативным способностям, знаниям психологии общения, а также способов и приемов преодоления (нейтрализации) конфликтных ситуаций, возникающих в ходе переговорного процесса.

Следующая модель базируется на работе Д. В. Ольшанского [4, с. 57] и др. Суть ее заключается в том, что в основе конструктивного взаимодействия двух конфликтующих сторон лежат способности к распознаванию и адекватной интерпретации эмоциональных состояний лиц, удерживающих заложников, что,

в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение террористов, реальность их угроз здоровью и жизни заложников. Выбирая из всего многообразия состояний человека в качестве объекта исследования состояние эмоциональной напряженности, в котором, безусловно, находятся лица, удерживающие заложников, исследователи руководствуются, как правило, следующими соображениями. Эмоциональные состояния той или иной степени интенсивности сопровождают практически любую деятельность человека, так как отражают, согласно распространенной в психологии концепции отношений между мотивами и успехом или возможностью успешной реализации, отвечающей им деятельности субъекта. Одной из определяющих черт эмоциональных состояний является их «интегративность»: охватывая весь организм человека, эмоциональные состояния оказывают существенное влияние на эффективность выполняемой человеком деятельности. Состояние эмоциональной напряженности, в частности, затрагивает не только относительно простые, например сенсорные, но и более сложные интеллектуальные процессы. Поэтому от своевременного и объективного распознавания состояния эмоциональной напряженности и от умения прогнозировать эмоциональную устойчивость человека зависит решение целого ряда важных практических задач. Таким образом, представители указанной выше модели склоняются к мнению, что основными требованиями к личности переговорщика выступают характеристики его эмоциональной сферы и способностей к распознаванию эмоциональных состояний партнера по общению.

Еще одной достаточно распространенной моделью конфликтного общения и, соответственно, выдвигаемых требований к участникам такого общения является такая, которая предполагает доминирование интеллектуальных и волевых качеств участников процесса общения [5, с. 158]. Парламентар, вступая в диалог с лицом (лицами), удерживающим заложников, оперирует, в

первую очередь, такими мыслительными операциями, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, систематизация в формах размышления, умозаключения и т. п., другими словами, апеллирует к когнитивной оценке предмета общения (переговоров). Также рассматриваемая модель предполагает высокий уровень развития волевых качеств личности участника конфликтного общения, а именно целенаправленность, которая проявляется в принципиальности и убежденности человека, в глубоком осознании им своих задач и необходимости их решения; инициативность, т. е. способность самостоятельно ставить перед собой задачи, определять их в зависимости от хода переговоров; решительность и сдержанность — своевременность принимаемых решений, сдерживание негативных проявлений в действиях и высказываниях; самостоятельность — способность критически относиться как к своим поступкам и действиям, так и поступкам других, не поддаваться влиянию окружающих или третьих лиц, вмешательство которых возможно, если захват заложников осуществила преступная группа.

Перечисленные модели конфликтного общения и опора участников переговорного процесса на различные личностные качества и способности позволяют в определенной мере решать поставленные перед переговорщиком задачи. В то же время открытым остается вопрос выбора тактики ведения переговоров с учетом условий их проведения, а также ведения переговорного процесса с террористами, находящимися в измененном психическом состоянии, вызванном, в свою очередь, самыми различными причинами, начиная с наркотического (алкогольного и др.) опьянения и заканчивая психическими заболеваниями. В этом случае от переговорщика требуется знание поведенческих референтов вышеназванных состояний, а также возможных последствий.

Переговорщику, независимо от избранной тактики ведения переговорного процесса, требуются знания и практические умения для преодоления специально создаваемых барьеров общения, диктуемых, в первую очередь, ультимативной формой выдвижения

требований.

После окончания переговоров переговорщик совместно с психологом спецподразделения дает характеристику личности преступника на основе таблицы [6, с. 267—271].

Подводя итог, следует, на наш взгляд, проанализировав условия и задачи ведения переговорного процесса с лицами, удерживаемыми заложников, основными психологическими требованиями к личности переговорщика признать:

1. Мобильность мышления, которая позволяет переговорщику выбирать такой стиль общения и аргументы, которые будут, с одной стороны, способствовать решению поставленных перед ним задач штабом антитеррористической операции по освобождению заложников и нейтрализации террористов, с другой — способствовать созданию ситуации, при которой проведение силовой фазы специальной операции по освобождению заложников и задержанию террористов будет максимально эффективным и безопасным.

2. Эмоциональную устойчивость (в течение длительного времени), позволяющую нейтрализовать воздействия условий ведения переговорного процесса и продолжать их, не снижая эффективности.

3. Толерантность к неопределенности. Ситуация ведения переговоров с лицами, захваченными заложников, характеризуется отсутствием четко определенных условий ее разрешения. В таком случае парламентарю необходимо адекватно реагировать на отсутствие «обратной связи» с террористами.

4. Умение вести торги и затягивать время. Умение предлагать обмениваться за любое из исполняемых требований преступника — путь к успешным переговорам [7, с. 159].

Опираясь на указанные выше психологические требования к личности переговорщика, как субъекта переговорного процесса в специальных операциях по освобождению заложников, можно, по нашему мнению, сформулировать предполагаемую многоуровневую модель подготовки переговорщиков, а именно:

1. Лица, контакт которых с преступниками, захваченными заложников, становится возможным в связи с исполнением служебных обязанностей (например, сотрудники пенитенциарной системы, правоохранительных органов, военнослужащие внутренних войск). Такой категории лиц необходимы, в первую очередь, знания о поведении в сложившихся обстоятельствах, выдержанность в поступках и вербальных выражениях, знания регламента дальнейших действий.

2. Лица, контакт которых с преступниками, захваченными заложников, наиболее вероятен и, как правило, выдвигается как требование со стороны последних. Такая категория лиц должна владеть, помимо знаний, коммуникативными навыками и навыками определения эмоциональных состояний, а также поведения и способов разрешения конфликтных ситуаций. Особо отметим, что эти лица должны быть осведомлены о рекомендованных и не рекомендованных действиях в ситуации ведения переговорного процесса в рамках проведения специальной операции по освобождению заложников.

3. Лица, контакт которых с преступниками, захваченными заложников, обязателен в силу их профессиональной деятельности, т. е. переговорщики, привлекаемые штабом антитеррористической операции в качестве основных лиц, ведущих переговорный процесс.

4. Сегодня основными методами, применяемыми психологами кадровых аппаратов в структуре правоохранительных органов при работе с личным составом в «процессе проведения профессионального отбора, изучения индивидуальных особенностей и профессиональной деятельности сотрудников», являются: метод психолингвистики; метод психологического моделирования ситуаций и действий; комплексный метод и др. [8, с. 208—209].

На наш взгляд, проблема психологических требований к личности переговорщика является комплексной и требует всестороннего междисциплинарного подхода, что составляет отдельную перспективную линию исследований.

Список библиографических ссылок

1. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография. М., 2005.
2. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.
3. Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М., 2008.
4. Ольшанский Д. В. Психология терроризма: монография. СПб., 2002.
5. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ): монография / под ред. С. Е. Вицина. М.; Воронеж, 1999.
6. Томпсон Л. Антитеррор: руководство по освобождению заложников / пер. с англ. К. Ткаченко. М., 2005.
7. Марьин М. И., Касперович Ю. Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007.
8. Ивахин А. Е., Прыгунов П. Я. Оперативная деятельность и вопросы конспирации в работе спецслужб (по материалам открытой печати и литературы): в 6 т. Киев, Т. 1.

© Б. А. Алиев, 2009